

УДК 303.022+323.2
Завершинский К.Ф.

Политический миф как предмет исследований современной культурсоциологии

В реалиях растущей непредсказуемости современных политических коммуникаций умножается и объем научных и публицистических работ, отсылающих к понятиям «политический миф», «технологии мифологизации политики», «политика постправды», «квази-научная мифологизация», «идеологический миф», претендующих на адекватное описание причин деградации значимости рационального, «истинного» знания в процессе продуцирования и распространения политической информации. Вместе с тем, при очевидном умножении философских, социологических и антропологических интерпретаций природы современных практик мифотворчества, в политологии сохраняется теоретическая инерция понимания политического мифа как комплекса коллективных, квази-научных, антиисторических в своих основаниях, представлений («архетипов», «стереотипов», «ментальных моделей»), символических ресурсов политической фетишизации и пропаганды). Подобные семантические продукты понимаются как некие рудименты, пришедшие к нам из прошлого и влияющие, преимущественно «регрессивно» на настоящее, посредством идеологической, пропагандистской активности правящих политических элит и контрэлит. В связи с этим весьма актуальным представляется теоретическая ремарка антрополога Я.Ассмана о методологических ограничениях научной интерпретаций на основе противопоставления «фикции» мифа и реальности «истории», поскольку мифическая «семиотизация космоса», имевшая место в обществах «абсолютного прошлого», устойчиво сохраняет свое социальное бытие и в реалиях интериоризации прошлого настоящим. Миф продолжает играть важную роль в «обоснования исторического прошлого», только уже посредством «семиотизации истории» [1, с. 80-85].

Реализация подобной исследовательской стратегии, ориентирующей на историчность и «современность» мифического, безотносительно от «консервативных» или «прогрессистских» трактовок его природы, продолжает, на наш взгляд, оставаться теоретической проблемой. Исследование современной мифодинамики в политике предполагает ответ на вопросы: в чем специфика коммуникативной природы политического мифа, обуславливающая его жизненность в современных практиках символизации политической реальности; в какой коммуникативной среде и как мифический нарратив и его символические репрезентации способны вступать в естественный симбиоз с современными рационалистическими политическими нарративами? Ответ на подобные вопросы предполагает выход за рамки традиционных социологических моделей социокультурной динамики, описывающих политико-культурный процесс с позиций «рационального гражданина» и приоритета «либерально-демократических», социалистических, «консервативных» или иных идеологических ценностных ориентаций. Подобные способы описания ведут к теоретической редукции интерпретаций процесса современной фрагментации политико-культурного пространства и расширения сферы «политического воображения», амбивалентного и вариативного в своих коммуникативных проявлениях.

Более обоснованным представляется научный дискурс политико-культурных исследований, опирающийся на понятийные модели современной «культурсоциологии» (cultural sociology) и близких к этому направлению по своим интенциям научные стратегии современной антропологии политики и социологического неинституционализма, представители которых подчеркивают перспективность понимания культуры как исторической формы социальной памяти, изучение которых должно опираться на анализ символических структур сетей смыслов, обладающей коммуникативной автономией, в отличие

от исследовательских программ, где описание культурных феноменов редуцируется к ценностям, нормам, идеологиям, производным от структур формальных институтов или социально-психологических моделей коллективного сознания.

Изучение культуры, и политической культуры в частности, при таком подходе трансформируется в исследование «культурной прагматики», нацеленной на исследование многообразных форм «социального перформанса», «драматургии власти». При этом и индивидуализированные общества с рационализированными институтами демократического участия нуждаются в мифо-ритуальных практиках для поддержания устойчивости национальной идентичности. При этом социальный перформанс предстает как многослойный процесс социального конструирования и комплекс средств символического производства социальной власти, который порождает сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия [2, р. 11–26; 3, р. 29–89].

Спецификация обозначенных выше теоретических посылок к предметной области политической мифологизации позволяет интерпретировать политический миф как значимый семантический компонент политической памяти, воспроизводящийся посредством многообразных мнемонических практик. Политические мифы, обеспечивая символизацию практик политического доминирования на уровне повседневности являются важным и необходимым звеном современных политических коммуникаций. Обозначенные теоретические подходы к интерпретации «работы» политического мифа позволяют сместить исследовательские акценты в описании динамики современных политических коммуникаций, связанной с перманентным обновлением представлений акторов о способах социального конструирования политического прошлого и умножением их самих в виде динамичных общностей, занятых продуцированием мифического контента.

Отвечая на обозначенные выше вопросы можно констатировать, что определяющее значение для выявления специфики политических мифов решающую роль играет культурно-историческое своеобразие символического оформления пространства и темпорального режима политической памяти в котором воспроизводится мифическое. Социальная память при этом выступает не столько «хранилищем прошлого», а пространством семантического «свертывания» представлений о прошлом в символические фигуры, которые стимулируют возникновение «обосновывающих воспоминаний», что позволяет новые ситуации распознавать, воспринимать как повторение некой «прошлой» ситуации. Социальная память проявляется в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» [4, с. 104; 5, с. 110]. Реализуя функции легитимации или делегитимации социального порядка через поддержание динамичного баланса в воспоминаниях акторов о властных отношениях, современная социальная память порождает формы политической памяти, создавая специфические политические идентичности (этнополитические, национальные) и символическую политику для воспроизводства политической памяти. Национальная память как историческая модификация политической памяти на данный момент является доминирующим способом поддержания и реконструкции семантически значимого прошлого в силу своей временной структуры, обеспечивающей большую «растяжимость во времени», и играет ведущую роль в легитимации политических институтов и конструировании политической преемственности [6]. Важным звеном подобного процесса является политический мифический нарратив как семантическое средство связи идеологических обоснований и практик фонового повседневного знания, когда идеологические символы и обоснования прошлого и будущего дополняются символизацией телесно-чувственного восприятия политического, посредством символизации событий героического и жертвенного.

Целью исследования «работы политической памяти» становятся ее «фигурации» [7], как меняющиеся отношения между прошлым и настоящим, обусловленные взаимосвязью процесса символической борьбы "памятей" в политическом поле и спецификой средств их передачи, жанров и профилей. Выявление потенциала действенности подоб-

ных символических фигур ("героя", "жертвы", "преступника" и т.п.) позволяет перевести в плоскость конкретного анализа влияния политической памяти на конструирование национальных идентичностей.

Таким образом, перспективным представляется видение специфики политического мифотворчества в его «прагматике», а не «регрессивности» или «прогрессивности» содержания или притязания на истину. Мифологизация повседневности власти – неотъемлемая составляющая современных политических коммуникаций. Распространение новых медиатехнологий и биополитики существенно расширяет возможности для актуализации мифического, нередко делая его воздействие «более зловещим» чем в прошлом [8, р. 243-248, 259-260, 358], порождая многообразие «рационализированных политических мифов (новые «религиозные политические мифы», «научные политические мифы», «исторические политические мифы»). Политический миф репрезентирует себя как драматическое повествование о героической истории политических или неполитических сообществ, стремящихся к обретению политической солидарности. Любой политический миф вписывает эпизоды повседневной деятельности людей в нарратив драмы коллективного существования. В основе мифической символизации политики лежат «симбиотические символы», выражающие связь политических действий с «телесностью», телесно-чувственную осязаемость и действенностью власти посредством многообразных фигур ("героического»). Поэтому политический миф – всегда не только объяснение, но и «практический аргумент». Миф может драматически обосновывать историю существующих политических обществ, отсылая к прошлому, воспринимаясь как «традиция», но он может сакрализировать политические взаимодействия через настоящее или отсылку к будущему, превращаясь в источник социальных реформ или революций.

В современном, при первом приближении весьма рационализованном обществе, нет политических движений и сопровождающих их когнитивных процессов, без эмоционально-чувственных презентаций, и нет процесса рационального осмысления без эмоционального фона. Современный политический миф следует рассматривать не только как индикатор массовой «иррациональной» политической энергетики, но, прежде всего, как специфический процесс социального конструирования политических идентичностей на основе артикуляции коллективной значимости повседневной деятельности людей.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. New York: Oxford University Press, 2003. 312 p.
3. Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / eds J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006. P. 29–89.
4. Луман Н. Эволюция. М.: Издательство «Логос», 2005. 256 с.
5. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Издательство «Логос», 2007. 360 с.
6. Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. New York, 2006. P. 210–226.
7. Olick J. K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook/Eds. Astrid Erll and Ansgar Nünning, in collaboration with Sara B. Young. Berlin/New York: Gmb&Co. KG, 2010. P.151-162.
8. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. New York: Cambridge University Press, 2007. 286 p.